

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 642-649, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) 073+081+083

European and Asian Countries through the Eyes of Foreigners (in 19th — beginning of 20th century)

Vladimir A. Ushakov^a, Mikail Yu. Evsevjev^a, Ariadna A. Petrova^a, Oxana B. Vakhromeeva^a,
 Tatiana E. Sokhor^{a,*}

^a Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article is based on the study of a various publications and archive materials that were left in the 19th — beginning of 20th century by representatives of several generations of Russians going out of Russia for a long periods of time to Europe and Asian countries, or by Europeans who had been visiting and exploring the Russian Empire. Such materials come in sight of the article's authors in the process of random selection. These materials varied in form, size and content; they were created in different conditions and for different purposes. They were written by people of different professional, social background, interests, character and life experience. Despite these factors the authors managed to study features of formation and development of the Russia's image in social thinking of Western Europe on the basis of publications of authors from France and Netherland. Examples of Italian lands descriptions were used for consideration of Russian observers' approaches to interpretation of the life of Europeans. And the perception of the Asian countries' life (China and Japan) and of their inhabitants that had formed by the beginning of the 19th century was described in the notes and memories of Russians — the participants of the Russian — Japan war. Such different sources served as well as some common and very important functions, and the authors of this article identified them. First of all, it was an informational-educational mission. Such functions as goal setting and recording were also important, when authors of the materials identified the most important events, processes and recorded them. The critical approach and function of criticism were also incidental to the authors of many sources. Again, the materials presented in the article showed other provisions of the problem "us vs. them" ("us vs. others") that is currently being considered in the modern science, and which in general lead to generation of both the understanding of different-scale processes, events, facts and the general vision of countries and peoples development within significant time periods. And in general the article determines fundamental importance of the sources of such types for comprehensive and precise study and understanding of Russian history and history of other countries.

Keywords: S.F. Shchedrin, A. Dumas, A. de Custine, M.P. Bobrovski, V.V. Fomina (Zukova), Italy, Russia, Spain, China, Japan.

1. Введение

В современном мире глобализация привлекала внимание к условиям, при которых методы и механизмы политико-психологического воздействия подталкивали народы и страны либо к сближению и сотрудничеству, либо к отчуждению и конфронтации из-за соперничества в обеспечении жизненно важных целей и различий в цивилизационном развитии. В этом отношении показателен опыт успешных поколений людей. Их побуждения, действия отражали и наблюдатели, записи которых освещали ход событий как в отношениях между странами, так и внутри этих социумов. Такая информация выступала как весомый фактор в формировании политико-

* Corresponding author

E-mail addresses: v.ushakov@spbu.ru (V.A. Ushakov), m.evseviev@spbu.ru (M.Yu. Evsevjev), ariadnapetrova@yandex.ru (A.A. Petrova), voxana2006@yandex.ru (O.B. Vakhromeeva), sohor@mail.ru (T.E. Sokhor)

психологической атмосферы в обществе и установок на сотрудничество или соперничество стран и народов. Изучение этих материалов важно и для восстановления полной картины процессов и событий в истории и понимания происходивших перемен внутри социумов и на международной арене.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование выполнялось на основе научной обработки и анализа писем и донесений, дневниковых записей и воспоминаний, журнальных статей и иных сочинений, подготовленных современниками описываемых событий. Часть материалов хранится в архивах, часть опубликована на русском языке или языке оригинала.

2.2. Методология исследования включает интенсивное использование общенаучных и общеисторических методов. Для выявления и обстоятельной характеристики общего и особенного в полученных путем случайной выборки материалах активно применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы. А историко-генетический метод позволил установить побудительные мотивы и обстоятельства, под действием которых авторы исследуемых материалов исходили при их подготовке и последующем обнародовании. Принципы историзма и целостности, ориентировали авторов статьи на поиск причин и условий, определивших содержание, достоверность, тональность и другие свойства документов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в историографии подробно не освещалась. В СССР — России преимущественно изучали сочинения иностранцев о России и записи россиян о жизни за рубежом, подготовленные со времен существования Московской Руси и по первые десятилетия XIX в. (Мезин 2000; Карп, Мезин 2004; Партаненко, Ушаков 2006). Материалы за более позднее время оставались менее изученными и в сравнении с ранними периодами, номенклатура и объемы таких неизвестных материалов в XIX–XX вв. быстро росли.

Цель статьи — извлечь из массива источников путем случайного отбора архивные и опубликованные материалы и изучить их на предмет: формирования и проявления общей картины исторического развития стран и народов на значительных отрезках их существования; получить дополнительные сведения о тех процессах, событиях и явлениях, которые описывали и характеризовали российские и зарубежные авторы — будь то их непосредственные участники, или очевидцы и современники; определить специфику отражения действительности в избранных в качестве примеров документах и ту роль, то влияние, которые эти материалы оказывали на формирование морально-политического климата в обществе, выделить те положения и установки этих документов, воздействовавшие на взаимоотношения людей, народов, государственных структур и т.д.; с учетом этих обстоятельств определить для познания истории значение материалов, положенных в основу настоящей статьи; выделить те функции и обстоятельства, учет которых позволяет выявить ценность столь разнородных, подготовленных в разных условиях и столь непохожими авторами свидетельств ушедшей эпохи.

4. Результаты

В XIX в. контакты между странами множились, и путешественники часто фиксировали свои наблюдения. Эти материалы были разными по объему, характеру, направленности и тональности. Масса такой информации нарастала и становилась доступной все большему числу людей.

Путешествия бывали краткими или затянутыми на годы. Так, Италия в 1818–1830 гг. стала «землей обетованной» для русского художника С.Ф. Щедрина. Его многочисленные письма и донесения в полном объеме были собраны, выверены и опубликованы с комментариями в 2014 г. (Евсевьев, 2014). Они несли разнообразные, яркие сведения и суждения о жизни этой страны и ее обитателей.

Художника из России манила прекрасная природа и чудеса Италии — ее дворцы, церкви и картины великих мастеров (Евсевьев, 2014: 45, 50–51, 69–71, 77, 83, 88, 430–431, др.). Щедрин точно и ярко фиксировал свет и тень итальянского общества, его культуру, быт, привычки, поведение, фольклор. Как превосходный писатель он во всей полноте и свежести донес до нас подробности жизни в ту эпоху. Почти сразу Щедрин отметить потрясающую нищету, давно ставшую социальной привычкой, промыслом и жизненным укладом многих итальянцев (Евсевьев, 2014: 420).

Наблюдения художника складывались в портретное изображения национального характера итальянцев. «Чуждой народ, — признавался Щедрин, — которых я на одном дне 10 раз ругаю и десять раз хвалю. Спросите у него что-либо, он тотчас скажет с учтивством, попросите, чтоб показал дорогу, пробежит мило, не требуя благодарности, но зато попросите у него хоть воды <...> не даст даром, и нагрубиянит. Все, где только коснется до денег, они нестерпимы, а пуще с иностранцами, запрашивают страшную цену <...> которую никто не даст, да ему и дела нет, он, приставив корзинку к стене, дрыхнет в ней на солнце, или <...> смотрит на всех с презрением. На пищу им очень мало надобно <...> апельсин да кусок хлеба, и все тут» (Евсевьев, 2014: 103).

В XIX в. и в Италии секуляризация брала свое. Щедрин замечал как священники «жалуются, что в Риме вера в упадке». Письма сообщали и о попрании ими библейских заповедей: неудивительно, что Щедрин писал о спящих на службе в храмах прихожанам (Евсевьев, 2014: 76, 79, 117–118, 446), и о той повседневной жизни, переставшей быть чем-то второстепенным по отношению к искусству.

Письма Щедрина оказались неисчерпаемым источником информации об Италии, а самым ярким и существенным в них был интерес к итальянцам, к плебсу. О них художник писал с симпатией, даже с любовью. «Вы, — утверждал Щедрин, — не знаете какой мерской народ итальянцы, это они сами о себе говорят, а пуще женщины <...> всякой за 20 копеек готов делать глупости и всякого рода подлости <...>; жена мужа кличит к себе свистом. Муж тем же отвечает; все жалуются на свою бедность, но в праздники <...> ужасно щеголяют, зато другие в таких рубищах, что невозможно представить <...>, но молодцы, не унывают и всегда веселы <...>» (Евсевьев, 2014: 82).

В Италии менялся и сам Щедрин. В 1819 г. он посчитал, что: «Простой народ здесь груб, отвратителен и гадок в своей неопрятности <...> их жадность к деньгам выводит всякого из терпения», а к концу пребывания в стране появился синтетический портрет плебса. «Простой народ, — записал художник в 1830 г., — большие охотники слушать сказки и разные повести. Общий любимец их есть Орlando, которой им каждой вечер читают и оне всегда слушают с охотой. Тут же рядом какой либо слепой импровизатор, Пулчинелло, ученый пудель, фокусник, нередко и капуцин с крестом проповедует. Все имеют своих слушателей, капуцин и Пулчинелло не препятствуют врать один другому. Дальше вы найдете брадобреев, секретарей, которым нередко диктуют письмо во всю мочь <...> кабалистов, которые со змеями в руках раздают номера для лотарей и уверяют в выигрыше непременно, <...> словом, чего хочешь, того просишь» (Евсевьев, 2014: 117, 449).

В 1820 г. С. Ф. Щедрин стал очевидцем революции в Неаполе, в 1825 г. до него дошли вести о кончине Александра I, восстании «декабристов» и воцарении Николая I (Евсевьев, 1999: 15–16). Щедрин с позиций стороннего наблюдателя реагировал на эти события (Евсевьев, 2014: 167–170, 175, 203, 207, 277–282, 292, 305–306). Для европейцев же восторги, связанные с победами России над Наполеоном утихли, и в их поле зрения попали проблемы «николаевской» России.

Полковник Ф.Б. Гагерн из свиты А. Оранского (родственника российской императорской семьи) лишь с долей критики описывал российскую действительность, а француз — маркиз А. де Кюстин обрушивал на читателя залпы из обличений. На Западе, развиваемая Ф. де ля Невиллем, Н. Витсенем, Л.Ф. де Сегюром и др. авторами тема варварства, деспотизма, неволи славян, получила в книге А. де Кюстина гнетущее отражение и укрепилась в мировосприятии европейцев (Ушаков, 2010: 31, 37, 97, 99–104, 106–115; Ушаков, 2011: 84, 87–88, 98, 132, 146, 153, 161, 164). Поколебать их убежденность не смогли ни крах николаевского режима, ни реформы в России. Тогда ситуацию в империи пытался осмыслить другой знаменитый француз — А. Дюма, в 1858–1859 гг. совершивший «грандиозное путешествие» по стране. Его наблюдения легли в основу книги «В России» (в 2-х частях) (Дюма, 2010a; Дюма, 2010b) и «Кавказ» (в 2-х частях) (Дюма, 2010c; Дюма, 2010d). А неизученной осталась работа писателя, опубликованная в Европе под названием «Письма о крепостном праве в России». Ее перевод с заголовком «Письма из Санкт-Петербурга» (Дюма, 2012e) издали лишь в 2012 г.

Отношение Дюма к николаевскому режиму выражена в фразе: «в течение двадцати лет царь Николай играл в глазах современников ту же роль, которую исполнял у древних колосс Родосский <...>. Севастопольское землетрясение [Крымская война. — Авт.] его повергло» (Дюма, 2010a: 104). Писатель рисовал жуткие картины рабства крестьян. Теперь же открывались возможности для отмены крепостного права и Александр II был готов вернуть «народу его звание народа, а человеку его человеческое достоинство» (Дюма, 2012e: 355, 366).

В оценках роли монархов в России А. Дюма расходился с А. де Кюстином. Все же в прогнозах Дюма был осторожен. Он отмечал в обществе борьбу сторонников и противников реформ. А самые важные выводы Дюма сделал в ходе экскурсов в историю Франции и России (от Рюрика до Николая I). Сравнивая формирование и развитие общества и государственности в двух странах, он находил различия в этих процессах, и, согласно логике француза, это определяло и «различия, проявляющиеся между характером русского народа и <...> французского». Дюма записал: «Характер французского народа, благодаря различным началам <...> состоит из галльской гордости и храбрости, римской воли и стойкости, французской независимости и беспощадности. Все недостатки <...>, все добродетели этого характера проявились в различных политических потрясениях <...> вплоть до революций XIX века». «Славяне же, — продолжал писатель, — представляют собой народ однородный, <...> терпеливый, а главное пассивный, <...> галл борется против своих завоевателей <...> изгоняет их, словенин с признательностью принимает иноземных правителей» [варягов. — Авт.], «изъявляет готовность выполнять все их требования, <...> и всегда быть довольным своей участью <...> Можно сказать, — безапелляционно заключил Дюма, — что у француза характер независимый, а у русского — рабский» (Дюма, 2012e: 346–347).

Жесткий приговор А. Дюма перекликался с еще более суровыми и многообразными характеристиками стада — «нации рабов» под властью деспотов в книге А. де Кюстина. Но наблюдались и различия в методах выработки подобных оценок, в понимании возможностей

исправления бед России. Дюма возлагал надежды на монарха, способного уничтожить рабство. Кюстин такие мысли не высказывал, а убеждал читателя в исходившей от России и русских угрозе цивилизации на Западе (Кюстин, 1996а: 19, 21–23, 63, 103, 108–109, 132, 140, 147–148, 239, 284, 337–338; Кюстин, 1996б: 294–296, 321–322, 339–341). А общим же для французских авторов стало то, что оба негативно воспринимали российское государство (Дюма — вплоть до смерти Николая I) и характер его народов.

Сходные подходы тогда демонстрировали многие европейцы, хотя о России высказывали и другие мнения. Во время Крымской войны испанцы задумывались о причинах, последствиях и уроках этой войны. И, если генерал Х. Прима обвинял Россию в захватнических планах, то Ф. Видаль в 1854 г. одним из первых начал переосмысливать позицию России в восточном вопросе (Vidal, 1854). А более показательной была появившаяся в 1856 г. публицистическая работа об итогах и уроках Крымской войны испанского офицера Х. де Кирога (Quiroga, 1856). Этот автор отказался от тезиса «узурпации» царями турецких земель, и признал миссию России по цивилизации земель Причерноморья. Оценивая политику Николая I, Кирога полагал, что великие планы в истории не всегда находили воплощение, а царь встретил хитрого и коварного противника, скрывавшего истинные цели за красивыми лозунгами. Крестовый поход против России был вызван намерением Франции и Англии подорвать влияние России в регионе и мире. При этом англичане не гнушались во время войны на контрабанду оружия в Россию, поскольку Англия была страной, «где нет иного бога, кроме денег». Автор хотел, чтобы эти обстоятельства испанцы учитывали при выборе вероятных союзников (Quiroga, 1856).

Х. де Кирога назвал и причины поражения России в войне: слабая экономика, отсталость страны, необходимость защиты огромных территорий, явный перевес сил антироссийской коалиции, др. Но, «в любом случае», писал испанец, «народ, который упорно отстаивает свои интересы, с гордо поднятой головой встречает неудачи». Возможно и поэтому, Запад не добился своих целей: Крым не отобрали, Россия не распалась, а скорее наоборот, она в войне «явила пример стойкости» населявших ее народов. И казак, — финн, — «сейчас братья», и, восклицал автор, «а как встречали русских христиане Турции!» Он же полагал: «Россия — нация, самая подходящая для налаживания контактов между людьми разных национальностей. И в этом качестве она много может сделать для Европы и мира» (Quiroga, 1856: 6–7, 31–33, 45–46, 92).

Значительную часть работы Кирога посвятил российской армии и флоту. Поражения не лишили их славы одних из сильнейших в мире, и Россия оставалась в ряду великих держав. А при определении внешнеполитической линии в послевоенный период автор в числе союзников Испании называл в первую очередь, Россию. Кирога полагал, что такой альянс уменьшит влияние Англии и Франции и будет сдерживать поползновение США (Quiroga, 1856: 47, 57, 62, 97).

В 1856 г. трудно было выделить рациональное в советах Кирога. Однако его книгу отличали — не частое для той поры — сбалансировано-благожелательное отношение к России и русским, надежды на благоприятное для Испании и России развитие событий. Напомним, что разгром и унижение Испании в войне с США и России в войне с Японией описало другое поколение авторов. О последней свои записи оставили: выпускник Пажеского корпуса, — офицер из свиты вел. кн. Ольги Александровны, М.П. Бобровский (Лукницкий, Сохор, 2014: 466), и вольнослушательница Женского медицинского института — юная сестра милосердия В.В. Фомина.

Уже на второй день войны Бобровский стремился «попасть поскорее в дело». Он, как и многие офицеры, был убежден «в благоприятном исходе войны». В армии офицер вел дневник и опубликовал его под названием «Письма с войны» (Бобровский, 1912). В работе наиболее интересен материал о жителях Манчжурии и о противнике — японской армии. Бобровский, быстро поняв разницу между разговорами о победе в Петербурге и событиями на фронте, записал: «Да, в России едва ли имеют представление, до чего трудна будет эта война <...>» В заметке от 6 июля 1904 г. он признавал: «Японцы весьма серьезный противник, — храбрый, энергичный, прекрасно обученный и настойчивый». И ряд его суждений содержал вывод не в пользу царских властей. В дневнике автор несколько раз возвращался к этой теме и сетовал на то, что храбрые, героические и умеющие безропотно умирать, но не блещущие дисциплиной, русские солдаты лишены важных качеств и не могут тягаться с ловкими «как обезьяны» восемнадцатилетними японскими солдатами. Указывая на просчеты командования, Бобровский писал: «По-видимому, у нас этого не понимают и комплектуют армию почти стариками» (Бобровский, 1912: 117–118, 144–147).

Дневник включал характеристики и любопытные описания поведения китайцев, оказавшихся в зоне боев. Бобровский писал, что «расовый инстинкт» заставлял китайцев «симпатизировать японцам больше, чем нам <...> за деньги, — писал офицер, — они служат и нашим, и вашим». Поэтому и русские, и японцы «их секут, расстреливают, вешают, иногда только по одному подозрению». А поскольку в Манчжурии китайцев было много, то автор полагал: «сколько бы их не перебили, их еще много останется». Дневник содержал описание сцен варварских казней, работы палача и реакции китайцев, весьма отличной от охватившего Бобровского тяжелого чувства отвращения. Офицер рассказал о дерзких хунхузах, он считал их присутствие «на нашем фланге и в тылу вовсе не приятно» (Бобровский, 1912: 170–171).

Окончание войны побудило М.П. Бобровского завершить свои записи. Вероятно, он трактовал Портсмутский мирный договор как передышку в столь неудачном для России конфликте. О признаках, указывающих на его возобновление в будущем, свидетельствовали такие строки дневника: «В Японии идет волнение народа, недовольным условиями мира. У нас тоже волнения». И далее молодой офицер записал строки, свойственные его темпераменту и возрасту: «Да, за эти почти 2 года мы много увидели, много узнали <...> Дай Бог, что бы это послужило нам на пользу! <...> нам нельзя надеяться в будущем на успех, если мы не будем работать не покладая рук, энергично, неустанно, по совести...» (Бобровский, 1912: 181–182).

Впечатления и уроки, которые современники извлекали по ходу войны, касались не только политических и военно-стратегических сюжетов. Дневник Бобровского включал сведения и зарисовки, позволяющие судить о жизненном укладе, психологическом настрое, обычаях и устремлениях азиатов. Жители Манчжурии представляли как народ с особой культурой, но «растерзанный» войной и оказавшийся между двух огней. В тяжелых условиях китайцы стремились выжить, а хунхузы по бандитски боролись против иноземцев и против соотечественников. Японцы же выделялись дисциплиной и самоорганизацией, целеустремленностью и упорством не только в достижении важных целей, но и при решении обычных дел. Иными словами, российский офицер подмечал многое из того, что в то время формировало характер и лицо двух наций, далеких и не всегда понятных для европейца.

Интересные сведения вошли и в «семейную хронику Фоминых-Зыковых», которую до 2012 г. вел А.Б. Козлов, а затем — А.А.Зыков. Согласно хронике, семнадцатилетняя дочь генерала Фомина — Валя (В.В. Фомина [Зыкова]), без родительского благословения, исключительно по зову сердца и из патриотических убеждений в 1904 г. добровольно отправилась на русско-японскую войну (Архив Музея: 1; Вахромеева, 2009: 129). В действующей армии она влилась в трехтысячную «семью крестовых сестер» и работала в полевом госпитале. Позже юная девушка в составе полевого госпиталя следовала за армией генерала А.Н. Куропаткина, и переносила голод, холод, бездорожье. Вероятно, это закалило девушку, выработало у нее сдержанность в проявлении чувств и безграничную «готовность пожертвовать собой», стремление «по внутреннему зову» оказаться «в нужном месте в нужное время, чтобы предотвратить что-то плохое, надвигавшееся» на близких людей (Зыков, 2012: 2, 8–9).

Эти качества помогали Вале на протяжении ее жизни, и в годы политических репрессий при советской власти, и, вероятно, ранее, когда она вместе с пленными под Мудкеном военными оказалась в Японии. На острове Сикоку в городе Мацуяма о пленных заботился японский Красный Крест, их продолжали лечить и российские врачи, фельдшеры и сестры милосердия. И в плену Валя творила добро, не потерялась и не ожесточилась, а сохранила способность правильно воспринимать обстановку, здраво судить о новой для нее стране, о японцах. Это состояние Вали зафиксировала ее дочь (А.А. Леонтьев), которая писала: «Вспоминая время пребывания в плену, мама всегда отмечала благожелательное отношение к пленным со стороны японского командования и полное отсутствие проявления силы, грубости или других видов дискриминации...» В.В. Фомина указывала на «высокую интеллигентность японской нации» и, вспоминая плен, как «передышку», говорила, что в японских храмах она обрела дар предвидения (Зыков, 2012: 8–9).

В свою очередь японцы отмечали, что у русских очень хорошо развито коллективное начало. С огромным уважением они относились и к религиозным чувствам русских пленных: погибших воинов хоронили в японской земле. В местной печати жителям разъяснялось отношение к пленным не как к преступникам, а как к лицам, нуждавшимся в сострадании. Поэтому не удивительно то, что до сих пор за могилами погибших русских солдат в городе Мацуяма продолжают ухаживать местные школьники.

5. Заключение

Представленные в статье европейцы жили в «разные времена», что накладывало отпечаток на их взгляды, деятельность и суждения. Способные улавливать эти различия читатели вправе задать вопрос, а какие характеристики, черты объединяли сочинения столь разнящихся авторов. И эти характеристики очевидны. Так, при прочтении весьма разнородных материалов часто обнажалась их информационно-просветительская миссия, то есть они несли адресатам, а при опубликовании и более широкой аудитории, новое знание по истории или текущему положению в той или иной стране, сведения о населении, условиях его жизни, о тех проблемах, процессах и событиях, которые наиболее интересовали или попадали в поле зрения составителя документа. Нередко такие материалы подтверждали, дополняли или корректировали уже известную информацию, и она становилась более емкой, многогранной и значимой. Но вброс недостоверных данных, порой снижал ценность и цельность знаний об описываемом предмете, вносил путаницу и негативно действовал на сознание людей и те могли ставить под сомнение значение этих материалов.

Помимо информационно-просветительской миссии, записи участников или современников событий расставляли акценты в иерархии происходившего, выделяли, пусть в восприятии и преломлении автора документа, главное и менее существенное, не столь значимое и яркое. Соответственно, так концентрировали внимание адресата, либо читательской аудитории, на

определенных темах, сюжетах, сведениях. Функцию целеуказания дополняла и функция фиксации и сохранения многих тем, черт и штрихов, которые до того не привлекали соответствующего внимания, но после упоминания в документе эти сведения окончательно уже не терялись, а могли «всплыть» и в последующие времена.

Авторы записей, осуществляя целеуказания и фиксацию материалов, отражали увиденное и услышанное. Иными словами, они «рисовали» картины событий, очевидцами или участниками которых выступали. Не во всех случаях, но целеуказание и фиксация материалов побуждало авторов явно или опосредованно сравнивать и противопоставлять новое с уже известным, новое и необычное с уже привычным. Функция или возможность сопоставления были заложены в приведенных в этой статье материалах, и, чаще всего, сравнивалась история и действительность иностранная и российская.

Сопоставление по линии «свой — чужой» предусматривало и развитие критических начал в подготовленных материалах. Ведь какие-то малопонятные особенности, черты и эпизоды в жизни стран и народов, могли порождать и непонимание, и критический настрой у авторов документов. Такая критика часто возникала и в соответствии с расхожим утверждением «нет дыма без огня». Эта критика вскрывала неприглядную истину и бичевала недостатки. Либо автор осознанно и изначально выступал как беспощадный критик, а иногда заранее планировал разрушительно-уничтожительные оценки и выводы, отметал почти все не укладывавшееся в русло разоблачительного подхода. Критические выступления различались по их целям и характеру, они имели и свою направленность: авторы часто критиковали те или иные недостатки и особенности в жизни других народов и стран, а могли указывать на ошибки и прегрешения и соотечественников, и собственных властей и сопоставлять ход дел на родине с реалиями за рубежом. И масштабы, и диапазоны критических выступления были широкими: от мнений по частным вопросам и до глобальных суждений; об особенностях жизни отдельных лиц, групп и категорий населения и до оценки характеристики наций и государств, правителей и политических режимов в целом.

Представленные в статье материалы раскрыли и иллюстрировали и другие положения исследуемой современной наукой проблемы «свой — чужой», «мы — чужие», «мы — другие». И хотя в одной краткой работе все эти аспекты полномерно осветить не реально, для читателя очевидно и то, что без поиска и научного осмысления многообразных материалов, оставленных российскими и зарубежными авторами — участниками и наблюдателями событий, невозможно добиться всеобъемного и выверенного изучения и осознания истории, будь то история России или других стран.

Литература

Архив Музея — Архив Музея истории СПбГУ. Ф. Высшие женские курсы. Личное дело В.В. Фоминой (Зыковой) (1887–1966).

Бобровский, 1912 — *Бобровский М.П.* Письма с войны // Бобровский М.П. Стихотворения. Этюды в прозе. Письма с войны. Страсти Господни. Т.1. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1912. 218 с. С. 107–182.

Вахромеева, 2009 — Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилея Санкт-петербургских высших женских курсов (1878–1918 гг.) / Сост. О.Б. Вахромеева; Вступ. ст. О.Б. Вахромеева, Т.Н. Жуковская, А.Г. Румянцева. Санкт-Петербург, 2009. 412 с.

Дюма, 2010a — *Дюма А.* В России. Часть первая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 73. 639 с.

Дюма, 2010b — *Дюма А.* В России. Часть вторая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 74. 591 с.

Дюма, 2010c — *Дюма А.* Кавказ. Часть первая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 75. 415 с.

Дюма, 2010d — *Дюма А.* Кавказ. Часть вторая // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2010. Т. 76. 429 с.

Дюма, 2010e — *Дюма А.* Письма из Санкт-Петербурга // Дюма А. Собрание сочинений. Москва: Арт-Бизнес Центр, 2012. Т. 78. 623 с. [245–372, 547–619].

Евсевьев, 1999 — Аполлон Щедрин: Письма в Италию к брату Сильвестру: 1825–1830 / Сост, авт. редакции текстов, вступ. статьи и коммент. М.Ю. Евсевьев. Санкт-Петербург: «Бельведер», 1999. 76 с.

Евсевьев, 2014 — Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина. 1818–1830 / Подг. М.Ю. Евсевьев. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. 760 с.

Зыков, 2012 — Личный архив А.А. Зыкова. Рукопись «На склоне лет». Санкт-Петербург. 30 июля 2012 г.

Карп, Мезин, 2004 — Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. 356 с.

Кюстин, 1996a — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. Под общ. ред. В. Мильчиной. М.: Издательство им.Сабашниковых, 1996. Т.1. 526 с.

Кюстин, 1996b — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стаф. Под общ. ред. В. Мильчиной. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. Т.2. 477 с.

- Лукницкий, Сохор, 2014 — Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В.А.Лукницкий; Науч. ред. Т.Е. Сохор. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. 496 с.
- Мезин, 2002 — Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. №10. С. 148-157.
- Партаненко, Ушаков, 2006 — Партаненко Т.В., Ушаков В.А. Взаимовосприятие России и Запада (XVII — первая половина XIX века). Санкт-Петербург: Нестор, 2006. 156 с.
- Ушаков, 2010 — Ушаков В.А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Книга первая. Государство и правители. Санкт-Петербург: Полторацк, 2010.
- Ушаков, 2011 — Ушаков В.А. Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Книга вторая. Страны, города, люди. Санкт-Петербург: Полторацк, 2011.
- Quiroga, 1856 — Quiroga J. Ojeada española a la cuestión de Oriente por don Juan de Quiroga, comandante graduado de infantería, capitán de ingenieros. Madrid. Imprenta del Memorial de Ingenieros. 1856. 103 p. Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=rMgrAAAAYAAJ&printsec=front> (дата обращения — 2.04.2016).
- Vidal, 1854 — Vidal, Francisco de Paula. Historia contemporanea del Imperio Otomano, o sea de la Guerra de Oriente desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Madrid-Barcelona... Т. 1. 1854. 688 p.; Т. 2. 1855. 618 p.

References

- Arkhiv Muzeya — Arkhiv Muzeya istorii SPbGU. F. Vysshie zhenskie kursy. Lichnoe delo V.V. Fominoi (Zykovoi) (1887-1966) [Museum of St. Petersburg State University History Archive. F. Higher Courses for Women. Personal file V.V. Fomina (Zykova) (1887-1966)] [in Russian].
- Bobrovskii, 1912 — Bobrovskii M.P. Pis'ma s voiny [Letters from the War], Bobrovskii M.P. Stikhotvoreniya. Etyudy v proze. Pis'ma s voiny. Strasti Gospodni. T.1. [Sketches in Prose. Letters from the War. The Passions. Vol. 1] Sankt-Peterburg: Tipografiya A.S.Suvorina, 1912. [218 s.] S. 107–182 [in Russian].
- Vakhromeeva, 2009 — Bestuzhevka v tsifrah: k 130-letiyu yubileyu Sankt-peterburgskikh vysshikh zhenskikh kursov (1878–1918 gg.) / Sost. O.B.Vakhromeeva; Vstup. st. O.B.Vakhromeeva, T.N.Zhukovskaya, A.G. Rumyantseva [Bestuzhevka in figures: the 130th anniversary of the anniversary of St. Petersburg Higher Women's Courses (1878-1918) / Compiler O.B. Vakhromeeva; introductory articles O.B. Vakhromeeva, T.N. Zhukovskaya, A.G. Rumyantsev. St. Petersburg, 2009. 412 p.]. Sankt-Peterburg, 2009. 412 s. [in Russian].
- Dumas, 2010a — Dyuma A. V Rossii. Chast' pervaya [Dumas A. On Russia. Part One] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. М.: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 73. 639 s. [in Russian].
- Dumas, 2010b — Dyuma A. V Rossii. Chast' vtoraya [Dumas A. On Russia. Part Two] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 74. 591 s. [in Russian].
- Dumas, 2010c — Dyuma A. Kavkaz. Chast' pervaya [Dumas A. The Caucasus. Part One] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 75. 415 s. [in Russian].
- Dumas, 2010d — Dyuma A. Kavkaz. Chast' vtoraya [Dumas A. Caucasus. Part Two] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 76. 429 s. [in Russian].
- Dumas, 2010e — Dyuma A. Pis'ma iz Sankt-Peterburga [Dumas A. The Letters from Sains-Petersburg] // Dyuma A. Sobranie sochinenii [Dumas A. Collected Works]. Moskva: Art-Biznes Tsentr, 2010. Т. 78. 623 s. [in Russian].
- Evsev'ev, 1999 — Apollon Shchedrin: Pis'ma v Italiyu k bratu Sil'vestru: 1825–1830 / Sost, avt. redaktzii tekstov, vstup. stat'i i komment. M.Yu. Evsev'ev [Apollo Shchedrin: The Letters to Italy for Brether Sil'vestr: 1825–1830 / Comp., editorship, introductory and commentary by M.Yu.Evsev'ev]. Sankt-Peterburg: «Bel'veder», 1999. 76 s. [in Russian].
- Evsev'ev, 2014 — Ital'yanskie pis'ma i doneseniya Sil'vestra Feodosievicha Shchedrina. 1818–1830 / Podg. M.Yu.Evsev'ev [Sil'vestr Feodosievich Shchedrin's. Italian Letters and Reports. 1818–1830 / Prepared by M.Yu.Evsev'ev]. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 760 s. [in Russian].
- Zykov, 2012 — Lichnyi arkhiv A.A. Zyкова. Rukopis' «Na sklone let» [Personal Archives of A.A. Zukov. The Manuscript “And Declining Years”]. Sankt-Peterburg. 30 iyulya 2012 g. [in Russian].
- Karp, Mezin, 2004 — Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii / Otv. red. S.Ya. Karp, S.A. Mezin [Eulightenment and Civilization in Russia / Chef ed S.Yu.Karp, S.A.Mezin]. Moskva: Nauka, 2004. 356 s. [in Russian].
- Kustine, 1996a — Kyustin A. de. Rossiya v 1839 godu: V 2 t. / Per. s fr. V. Mil'chinois, I. Staf. Pod obshch. red. V.Mil'chinois [Kustine A. de Russia in 1839: On 2 Vols. / Transb. fram Tr. by V.Mil'chinois]. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 1996. T.1. 526 s. [in Russian].
- Kustin, 1996b — Kyustin A. de. Rossiya v 1839 godu: V 2 t. / Per. s fr. V. Mil'chinois, I. Staf. Pod obshch. red. V.Mil'chinois [Kustine A. de Russia in 1839: On 2 Vols. / Transb. fram Tr. by V.Mil'chinois]. Moskva: Izdatel'stvo im.Sabashnikovykh, 1996. T.2. 477 s. [in Russian].
- Luknitskii, Sokhor, 2014 — Perekrести sudeb. Vospominaniya Luknitskikh / Sost. V.A.Luknitskii; Nauch. red. T.E.Sokhor [Cross-roads of Fortunes. Memoirs of Luknitskches / Comp by V.A.Luknitskii; Seientific ed T.E.Sokhor]. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arkheo, 2014. 496 s. [in Russian].

Mezin, 2002 — Mezin S.A. Stereotipy Rossii v evropeiskoi obshchestvennoi mysli XVIII veka [Stereotypes of Russia in European Social Thought in the XVIIIth Century] // Voprosy istorii [Problems of History]. 2002. №10. S. 148-157. [in Russian].

Partanenkov, Ushakov, 2006 — Partanenkov T.V., Ushakov V.A. Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVII — pervaya polovina XIX veka) [The Mutual Perception of Russia and the West (the XVIIth — first half of the XIXth century)]. Sankt-Peterburg: Nestor, 2006. 156 s. [in Russian].

Ushakov, 2010 — Ushakov V.A. Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov. Kniga pervaya. Gosudarstvo i praviteli [Russia in the Interpretation of the Foreigner: The Development of ideas and Stereotypes. The First Book: The State and Rulers]. Sankt-Peterburg: Poltorak, 2010. 160 s. [in Russian].

Ushakov, 2011 — Ushakov V.A. Rossiya v traktovke inostrantsa: formirovanie predstavlenii i stereotipov. Kniga vtoraya. Strany, goroda, lyudi [Russia in the Interpretation of the Foreigner: The Development of Ideas and Stereotypes. The Second Book: The Country, Towns, People]. Sankt-Peterburg: Poltorak, 2011. 180 s. [in Russian].

Quiroga, 1856 — Quiroga J. Ojeada española a la cuestión de Oriente por don Juan de Quiroga, comandante graduado de infantería, capitán de ingenieros. Madrid. Imprenta del Memorial de Ingenieros. 1856. 103 p. Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=rMgAAAAAYAAJ&printsec=front> (дата обращения — 2.04.2016).

Vidal, 1854 — Vidal, Francisco de Paula. Historia contemporanea del Imperio Otomano, o sea de la Guerra de Oriente desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Madrid-Barcelona... T. 1. 1854. 688 p.; T. 2. 1855. 618 p.

УДК 94(47) 073+081+083

Европейские и азиатские страны глазами иностранцев (XIX — начало XX в.)

Владимир Александрович Ушаков^а, Михаил Юрьевич Евсевьев^а, Ариадна Александровна Петрова^а, Оксана Борисовна Вахромеева^а, Татьяна Евгеньевна Сохор^{а,*}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на изучении разнообразных опубликованных и архивных материалов, которые в XIX — начале XX в. оставили представители нескольких поколений россиян, выезжающих на длительные сроки в страны Европы и Азии, либо европейцев, посещавших и изучавших Российскую империю. Такие материалы в поле зрения авторов настоящей статьи попали в ходе случайного отбора. Эти материалы различались по форме, объему и содержанию; они были подготовлены в разных условиях и с разными целями. Их авторами выступали люди, не схожие по профессиональной и социальной принадлежности, с разными интересами, характером и жизненным опытом. И, тем не менее, перечисленные обстоятельства не помешали публикации авторов из Франции и Голландии изучить особенности формирования и эволюции образа России в общественной мысли Западной Европы. На примерах описания итальянских земель удалось рассмотреть подходы российских наблюдателей к осмыслению жизни европейцев. А сложившиеся к началу XX в. восприятие жизни азиатских государств (Китай и Япония) и населявших их народов раскрывали записи и воспоминания россиян-участников русско-японской войны. Столь разнящиеся источники выполняли и общие для них весьма серьезные функции, и авторы настоящей работы выделили их. Прежде всего — это была информационно-просветительская миссия. Не менее значимы были и функции целеуказания и фиксации, когда авторы материалов выделяли наиболее важные события, процессы и фиксировали их. Критический подход, функция критики также были присущи авторам многих источников. Представленные в статье материалы иллюстрировали и другие положения исследуемой современной наукой проблемы «свой — чужой» («мы — другие») и в целом вели к формированию как представлений о разномасштабных процессах, событиях, явлениях, так и общей картины развития стран и народов на значимых отрезках их истории. В целом статья определяет принципиальное значение такого рода источников для всеобъемлющего и выверенного изучения и осознания истории России и других стран.

Ключевые слова: С.Ф. Щедрин, А. Дюма, А. де Кюстин, М.П. Бобровский, В.В. Фомина [Зыкова], Италия, Россия, Испания, Китай, Япония.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.usakov@spbu.ru (В.А. Ушаков), m.evseviev@spbu.ru (М.Ю. Евсевьев), ariadnapetrova@yandex.ru (А.А. Петрова), voxana2006@yandex.ru (О.Б. Вахромеева), sohor@mail.ru (Т.Е. Сохор)